

Гарри осторожно кивнул. "Да. Это пантера с зелеными глазами и моим шрамом. Теперь можно снять повязку?" Он ненавидел ничего не видеть...

С глаз сняли повязку, и Гарри быстро моргнул, когда Ремус улыбнулся. "Отлично! Тогда нам не нужно тебя учить. Если мы освободим тебя от стула, ты покажешь нам быстро?"

Гарри снова кивнул, потирая руки, чтобы восстановить кровообращение. «Отойди. Я немного крупнее твоей средней собаки». Сириус фыркнул, но отступил назад. Его смех оборвался, когда он увидел перед собой зверя.

"Кровавый ад!" Там, где стоял мужчина, была большая черная кошка. Изящные и грациозные, зеленые глаза с щелевидными зрачками светились интеллектом, которого нет у обычных животных. Посередине лба кота был шрам в виде молнии. Кошачий рот широко раскрылся в зевке, обнажая злобные белые клыки.

"Безнравственный!" — воскликнул Джеймс. «Давай, поверни назад, Гарри. Теперь нам нужно придумать для него хорошее имя».

Четверо мальчишек образовали тесный круг. Каждый из них мог предложить одно имя.

"Слитай".

"Лицо со шрамом".

"Серебряный коготь".

«Усы».

Последнее было от Питера, и трое других мальчиков недоверчиво посмотрели на него. "Бакенбарды? Серьезно Червивый?" — спросил Ремус, одновременно шлепая Сириуса. Этот мальчик никогда не знал, когда шутки о его имени устарели...

Питер пожал плечами. «Да. Он кот, у него есть усы».

Джеймс покачал головой. «Ни за что. Мне нравится Щепка или Зоркий Глаз. Тогда прозвище для его прозвища могло бы быть Коготь или Глаз».

Сириус кивнул. «Могу ли я добавить замену на выбор Червехвоста?»

Джеймс согласился, а Питер надулся. «Вперед, Падс».

— Темный Клык, — сказал он, гордо улыбаясь. «Вы знаете, потому что он в значительной степени движущаяся тень. И когда он открывает рот, единственное, что вы можете увидеть из темноты, это его клыки».

Ремус насмешливо посмотрел на него. «Вы не могли сказать это раньше? Я имею в виду, что «Лицо со шрамом» лишь немного лучше, чем «Усы».

Сириус с легкой ухмылкой пожал плечами. «Настоящий гений требует времени».

Ремус фыркнул. «Бьюсь об заклад, ты даже не можешь произнести слово «гений».

Сириус ухмыльнулся. "ГЕНИАЛЬНО Возьми этого Муни!"

Пытаясь сдержать смех, Джеймс выдохнул: «Хватит.

Питер выпрямился. «Голос мистера Червехвоста принадлежит Темному Клыку».

Ремус был следующим. «Голос мистера Луни достается Щепковому».

«Мистер Бродяга голосует за Темного Клыка».

Джеймс ухмыльнулся. «Извини, Лунатик. Голос мистера Зубца достается Теневому Клыку».

Недовольное ворчание Гарри ворвалось в их круг. "Что теперь?"

Джеймс обнял своего «кузена» за плечи. «Теперь, сын мой, ты принят в самый секретный и эксклюзивный клуб в мире. Добро пожаловать в убежище Мародеров. Стань там, в середине круга».

Оглянувшись вокруг, Гарри понял, что был прав насчет того, что они находятся в старой заброшенной башне. Он был просторным, и вид был отличным. Края комнаты были заполнены книжными шкафами, а также стоял небольшой столик, который явно использовался для еды и, очень редко, для выполнения домашних заданий. На расчищенном деревянном полу не было ни ковров, ни ковров, и он был отмечен белым мелом в форме круга.

Мародеры заняли свои места в меньших кругах, нарисованных мелом над большим.

Джеймс находился в северной точке круга. Учитывая это, Гарри нашел, что это имело смысл. Джеймс был искусным лидером группы. Другие мальчики смотрели на него снизу вверх, черт возьми, Питер чуть не намочил штаны как раз в тот момент, когда Джеймс улыбался ему. Его личность была яркой и яркой, как северный ветер. Его любовь к полетам делала стихию ветра

особенно подходящей, а причёска «обдуваемая ветром» была просто совпадением.

Сириус был Югом. У него был вспыльчивый характер, и он был теплотой и страстью Джеймса, спокойствием и хладнокровием. Он всегда был в движении, щелкая глазами. Он был собакой, которая любила свернуться калачиком у огня, который был счастливым вторым в команде. Он был, возможно, самым сильным из четырех мальчиков, бросая вызов своей семье делать то, что было правильно, а не то, что было легко. В одно мгновение он был томным и теплым, а в следующее — страстным и обжигающим.

Петр был Западом. Его стихией была вода, и она почти точно подходила маленькому мальчику. Взмолотный и готовый «плыть по течению», Питер был человеческим потоком. Забывчивость и страх сделали его оппозицию стихией огня, что жутким эхом отразилось в «реальной жизни», поскольку Сириус был единственным из мальчиков, который действительно терпел только Питера, быстро раздражаясь на мальчика. Питер был предсказуем, следуя пути других, проложенных перед ним, передвигаясь вместо того, чтобы сталкиваться с препятствиями на своем пути.

Ремус был Востоком. В его глазах отражалась экзотическая природа Востока, таинственная тайна, сводившая с ума девушек. В его направлении дул легкий ветерок со слабым запахом жимолости и дикой лаванды, землистым запахом мокрой грязи. Элементом, землей, был Ремус. Он был тем, кто направил Питера, принял Сириуса и был тронут Джеймсом. Он был твердой, твердой почвой, опорой, голосом разума, который не давал им зайти слишком далеко.

Из мыслей Гарри вырвала вспышка света, отраженная от большого ножа, который держал Джеймс.

"Я Север. Я Ветер. Я зову тебя, Север, и тебя, Ветер, в наш священный круг. Я прошу тебя принести спокойствие и бдительность в наш круг", - скандировал Джеймс, разрезая воздух ножом. , символические движения, позволяющие Северному Ветру войти в круг. Гарри чувствовал, как ветер ерошит его волосы, и когда он сделал глубокий вдох, ему показалось, что он чувствует запах чистого, холодного горного воздуха. Он сделал еще один вдох, наслаждаясь запахом снега и сосулек. Джеймс передал нож Питеру, который глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

«Я — Запад. Я — Вода. Я зову тебя, Запад, и тебя, Вода, в наш священный круг. Я прошу тебя принести в наш круг исцеление и дружбу». Петр не дрогнул в своих движениях, позволив Западной Воде войти в круг. Гарри чувствовал прохладную воду всем своим телом, чувствовал маленьких скользких рыбок, когда они касались его кожи. Питер вздохнул с облегчением и передал нож Сириусу.

«Я — Юг. Я — Огонь. Я зову тебя, Юг, и тебя, Огонь, в наш священный круг. Я прошу тебя принести в наш круг страсть и любовь». Дерзкие удары ножом Сириуса были правильными, хотя и слишком самоуверенными. Южный огонь вошел в круг, и Гарри услышал, как потрескивает пламя, чувствовал, как жар сушит кожу на его лице. Сириус передал нож Ремусу.

«Я есмь Восток. Я есмь Земля. Я зову тебя, Восток, и тебя, Земля, в наш священный круг. Я прошу тебя принести силу и понимание в наш круг». Чистый, спокойный голос Ремуса донесся до Гарри, успокаивая его. Он глубоко вздохнул и улыбнулся, когда утешительные запахи дикой лаванды и влажной земли наполнили его нос, а его затылок покалывал теплый, нежный ветерок. Нож вернулся к Джеймсу, который с улыбкой взял его у Ремуса.

— Гарри Джеймс Поттер. Ты хочешь стать моим братом? — спросил Джеймс с искренним взглядом.

Гарри кивнул, до него дошли церемониальные слова. «Я принимаю Джеймса Гарри Поттера как своего брата».

Джеймс ухмыльнулся. «Я принимаю Гарри Джеймса Поттера как своего брата». Гарри шагнул вперед, протягивая ладонь. Джеймс взял нож и быстрым движением разрезал руки себе и Гарри, сжав их вместе. «Этой кровью я связываю тебя со мной, а себя с тобой. Этой кровью ты становишься моим братом во плоти, духе и сердце».

Гарри повторил слова, чувствуя, как сквозь него течет магия. «Этой кровью я связываю тебя со мной, а себя с тобой. Этой кровью ты становишься моим братом во плоти, духе и сердце».

Джеймс снова усмехнулся, и Гарри знал, что у него на лице такая же улыбка.

— Да будет так, — пропели они вместе.

Следующим был Питер, затем Сириус и Ремус. Каждый раз Гарри чувствовал прилив любви и принятия, когда его магия и магия других смешивались и соединялись.

Мальчики снова передавали нож, переходя от Ремуса к Джеймсу в обратном порядке, высвобождая направления и элементы из круга. Как только Джеймс закончил, он подвел Гарри к тазу с водой.

Подняв морскую ракушку, найденную в воде, натертую землей, закаленную огнем, охлажденную ветром, Джеймс зачерпнул немного воды. — Подними голову над раковиной, Гарри, — быстро сказал он.

Гарри подчинился, и Джеймс вылил воду себе на голову. «Я нарекаю тебя Темным Клыкком, пантерой и братом мистера Бродяги, мистера Зубца, мистера Червехвоста и мистера Лунатика».

Сириус протянул Гарри тряпку, чтобы высушить волосы. «Ну, Фанг, добро пожаловать в клуб».

Гарри ухмыльнулся. — Значит, теперь я Мародер? он спросил.

Джеймс кивнул, хлопая Гарри по спине. «Ага. Ты официально пятый Мародер».

Гарри не мог перестать улыбаться, думая о том, насколько это было нереально. Вот он, в какой-то случайной башне, Мародер и брат четырех других мужчин. Он рассмеялся, а остальные мальчики просто уставились на него.

Джеймс вздохнул. — Гермиона только что подумала что-то смешное? он спросил.

"Хм?" Питер ничего не понял, глядя на смеющегося Ремуса растерянными глазами.

«У Гарри и Гермионы есть странная связь. Они говорят, что не слышат, о чем думает другой, но мы в этом не уверены. Они разразились случайным смехом, и никто из нас не знает, почему».

"Ой." Эта информация немного расстроила Питера. Он серьезно (каламбур не собирался) подумывал пригласить Гермиону на День святого Валентина в Хогсмид, но эта надежда не оправдалась. По крайней мере, он сможет увидеть ее наедине во время репетиторства.

Остальное время в убежище Мародеров было потрачено на изложение правил Гарри (в секретном убежище можно использовать только имена Мародеров, никто не должен знать о тайном убежище, каждую пятую встречу наступает его очередь приносить закуску). , распространять слухи о больной матери Муни, публично упоминать ликантропию Муни как его «маленькую пушистую проблему» и т. д.)

Приближалось время ужина, когда мальчики покинули тайное убежище.

Гермиона рассмеялась чему-то, что сказала Доркас, а затем побледнела. Остальные девушки перестали смеяться, обеспокоенно глядя на Гермиону.

— Гермиона? — спросила Лили. — Гермиона, ты в порядке?

Меньшая девочка попыталась перевести дух, чтобы ответить на вопрос девочки, затем снова согнулась пополам, бегло выругавшись матросом. Она надеялась, что сможет дождаться обеда и пойти к мадам Помфри. Казалось, что она ждала слишком долго.

"Лили?" Гермиона задохнулась. «Мне срочно нужно в Больничное Крыло ! »

На Гермионе под мантией была белая рубашка, и когда она попыталась ее снять, одна сторона была в красных пятнах.

— Черт, — выругалась она. «Это хуже, чем я думал». В последнее время ее рана сильно болела, а после дуэли с Гарри стала еще более болезненной. Это и она уже должна была знать, что

нельзя носить белое. Ее белая одежда всегда кровоточила... Гермиона уже достаточно знала о своем состоянии, чтобы понять, что она то теряла сознание, то теряла сознание.

Лили хотела отвести Гермиону в больничное крыло, но Гермиона подняла руку. «Нет! Магия будет раздражать его. Кто-нибудь, найдите Гарри». Мадам Помфри была особенно строга с Гермионой в надлежащем уходе за ее раной. Ни один из них не забудет тот день, когда мадам Помфри использовала магию, чтобы переместить ее, после того как она уже начала кровоточить. Гермиона провела в больничном крыле два дня...

Лили покраснела. «Он сейчас занят. Мальчики взяли его, чтобы сделать Мародером».

Гермиона снова выругалась. «Думаю, мне придется идти пешком. Хотя мне понадобится помощь».

Девочки собрались вокруг нее, поддерживая Гермиону, когда они покидали заброшенный класс. Классная комната находилась в трех этажах от больничного крыла. Не пройдя и половины пути, Гермиона потеряла сознание.

— Гермиона! Гермиона! Лили направила струю воды из своей палочки на лицо Гермионы, легонько шлепнув девушку. Ни у одной из других гриффиндорок не хватило бы сил донести Гермиону до Больничного Крыла.

— Черт, — пробормотала она. "Нам нужно найти те-"

"КАКОГО КРОВИ!" К счастью, в пустом коридоре, где на полу лежала истекающая кровью Гермиона, раздался крик. Уильям Колли бежал к худощавой девушке, лежащей в окровавленной рубашке.

"Будут-"

Лили была прервана пренебрежительным качанием головы мальчика и его быстрым вопросом: «Что случилось?»

Лили вздохнула. «Некоторое время назад она получила травму. После дуэли с Гарри ей стало плохо, и теперь мадам Помфри требует медицинской помощи».

Уильям кивнул и поднял Гермиону на руки, правильно полагая, что она не может ходить. Однако он замер, когда Гермиона издала пронзительный стон боли. «Насколько это плохо? Почему не...»

«Мы использовали магию? Потому что у мадам Помфри она классифицируется как класс 5 — ниже 9», — ответила Доркас, собиравшаяся стать колдуном. «Сейчас все плохо, не самое плохое, но плохое. Если мы не доставим ее сейчас в больничное крыло, она доберется туда».

Быстрым бегом Уильям отправился в Больничное крыло, шокировав девушек.

«Я знала, что она ему нравится, но... вау», — сказала Алиса. — Как ты думаешь, что скажет Гарри?

Лили поморщилась. «Он взбесится. Потом он станет по-настоящему спокойным. А потом взорвется».

Мэри невесело улыбнулась. "Что за защита?"

Лили ответила сарказмом. «Ага. Нам лучше отправиться в больничное крыло».

Однако к тому времени, когда девочки прибыли в больничное крыло, мадам Помфри уже закрыла заднюю половину комнаты, и они могли слышать болезненные вздохи и мучительные стоны. Уильям стоял, прислонившись к двери, и свирепо смотрел на нее. Он явно был расстроен тем, что его не пустили в разделённую зону с Гермионой.

"Как она?"

Уильям перевел взгляд на Лили. «С ней все будет в порядке. Помфри работает над ней».

Доркас уперла руки в бока. «Уильям Артур Келли. Ты будешь говорить уважительным тоном, когда будешь разговаривать с любой дамой, или, по Слову Господа, я скажу моей маме, что ты шнырял по оранжерее номер три с Элизабет Флинт».

Все девушки смотрели на Доркас с благодарными улыбками. Мать Доркас была няней-волшебницей у чистокровной элиты. Она заботилась о нескольких молодых чистокровных лордах, и все боялись ее. Доркас могла иногда выглядеть и говорить так же, как ее мать, и когда она использовала такой тон голоса, она могла заставить некоторых их одноклассников беспрекословно подчиняться ей.

Уильям боролся с желанием наклонить голову, говоря «да, мэм». Вместо этого он лишь немного покраснел и нахмурился. — Ты бы не стал.

Доркас дико ухмыльнулась. "Буду ли я?"

Уильям вздохнул. — Думаю, ты бы так и сделала, Доркас Медоуз. Передай своей милой матери, что я передаю ей самые теплые приветствия. Гермиона ненадолго задержится. Мадам Помфри отказалась пустить меня за занавеску.

Алиса покачала головой. — Ты можешь быть таким глупым, каким тебя выставляет мама Доркас. Чтобы промыть эту рану, мадам Помфри заставит Гермиону снять рубашку. Ты

действительно думаешь, что Гермиона захочет, чтобы ты был там?

Уильям снова покраснел, на этот раз гораздо сильнее. "Я не думал об этом."

Доркас только рассмеялась. «Конечно, нет. А я думал, что ты умный, Уильям».

Слегка счастливое настроение, которое росло, было жестоко убито коротким и наполненным болью криком, эхом разнесшимся по больничному крылу. Доркас вздрогнула вместе с Алисой и Мэри. Лили расплакалась, задаваясь вопросом, как сильно болит ее друг. Уильям выругался, выглядя так, будто он был готов ударить кулаком по камню Больничного Крыла.

Мадам Помфри вышла из-за занавески. «С девушкой все будет в порядке. В понедельник она, вероятно, пропустит занятия. Многие из вас могут зайти после обеда.

Под натиском мадам Помфри группа направилась к Большому залу. Расступившись, когда они вошли, Уильям направился к своему столику, а девочки подошли к столу Гриффиндора, где сидели Мародеры.

Когда они приблизились, мальчики смеялись и шутили вместе, Джеймс и Гарри улыбались одинаково. Однако глаза Гарри сканировали девушек, и лицо его потемнело.

— Где Гермиона? — спросил он, быстро вставая.

Алиса уставилась на него. — В больничном крыле, не благодаря тебе. Где ты был?

Гарри не стал отвечать на вопрос, а вместо этого бросился бежать в Больничное Крыло.

Когда Уильям вошел в Больничное Крыло после ингаляционного обеда, он был удивлен увиденным перед ним. Мадам Помфри и неизвестная фигура снова оказались за занавеской, их стилуэты освещала лепешка со свечой. Гермиона корчилась от боли, а мадам Помфри выкрикивала указания другой фигуре, которая, как быстро догадался Уильям, была Гарри Поттером.

«Поттер! Держите девушку, пока я произношу заклинание. Как только я закончу заклинание, вылейте зелье на рану и держите ее вместе, пока я произношу другое заклинание!»

Бело-голубое сияние очищающего заклинания вырвалось из-под края занавески. Уильям мог видеть, как Гермиона внезапно попыталась выгнуться, но Гарри мягко удержал ее, что-то бормоча ей. Уильям едва мог разобрать некоторые слова, которые он говорил.

"Любовь... 'Миона... все, что мне нужно... Подожди... Просто... малышка... Я люблю... Все в порядке, 'Миона..."

Второе смущало Уильяма все больше. Что, черт возьми, происходит?

Мягкое пение мадам Помфри прекратилось, и Гермиона издала пронзительный крик, когда Гарри вылил зелье ей на бок. Мадам Помфри снова начала петь, и свет вернулся, на этот раз зеленый. Когда она остановилась, с кровати, на которой спала Гермиона, донесся тихий и усталый голос.

"Гарри?"

«Я здесь, любимый».

"Я тебя люблю."

«Люблю тебя, Миона».

Теперь Уильям был еще более сбит с толку. Девушка позволила Гарри Поттеру называть себя «Миона», но больше никто? Менее чем через неделю после ее прибытия Джеймс Поттер и Сириус Блэк подошли к каждому ученику, предупредив их, что если они назовут ее этим прозвищем, то заслужат порчу, которую они получили от нее, и проклятие, которое они получают от Мародеров.

Уильяму надоело ждать. Он отодвинул занавеску, его требование ответов замерло на языке.

Девушка на кровати действительно была без рубашки, только в лифчике кремового цвета. Уильяму пришлось быстро сглотнуть подступившую к горлу желчь, увидев не только яркую красную линию, которая была ее раной, но и ее чрезвычайно заметные ребра. Вокруг ее запястья с одной стороны были пятна, которые могли быть синяками, а вогнутый живот и грудь были изуродованы чем-то вроде старого шрама.

При звуке отдернутой занавески головы Гарри и мадам Помфри резко повернулись к незваному гостю. Глаза Гарри сузились, когда он проследил за взглядом Уильяма, натянув одеяло до подбородка Гермионы.

Мадам Помфри была не в том состоянии, чтобы выгнать Уильяма, измученного чарами. Вскоре после того, как семикурсники ушли на обед, девочка начала дергаться и дергаться, пока у нее не случился приступ. Потребовалось множество зелий и заклинаний, чтобы остановить девочку от приступа. Но ничто не могло помочь вновь открывшейся ране.

Мадам Помфри была крайне обеспокоена раной, которую Гермиона получила от проклятого ножа. Неделя будет нормально, а потом быстро испортится. Потребовались все ее немалые знания и умения, чтобы рана не загноилась и не гнила бедная девушка изнутри. Если бы не этот проклятый межпространственный туристический бизнес, то рана затянулась бы еще несколько недель назад. Но законы магии утверждали, что тело не может измениться, и

поэтому мадам Помфри застряла.

Даже если она застряла, она все равно заметила, что молодой Уильям Келли вошел в заблокированную часть Больничного Крыла. Помимо магического истощения, ей все еще нужно было разобраться с нарушителем правил... но, похоже, Гарри Поттер добрался до этого первым.

"Какого черта ты здесь делаешь?"

— Я привел ее сюда! Где, черт возьми, ты был?

"Я-"

— И какого черта ты здесь делаешь?

— Я помогаю ей! Почему ты пялился на ее грудь?

— Почему тебя это волнует? И почему ты сказал, что любишь ее?

«Мне не все равно, потому что она моя девушка! И я сказал, что люблю ее, потому что люблю! Почему это ты привел ее?»

«Потому что я был один здесь! Где ты был?»

Гарри, казалось, не мог найти ответ, но тут его осенила мысль. — Как ты привел ее сюда? Ты ведь не использовал магию?

Уильям усмехнулся. — Я не дурак. Я нес ее. Что еще?

Гарри едва сопротивлялся желанию броситься на блондина Рейвенкло и перерезать ему горло. «У меня есть разрешение быть здесь. У тебя нет. Убирайся сейчас же».

Уильям уставился на Гарри. — А что, если я не хочу, Поттер?

Гарри замер, и его глаза похолодели. — Поверь мне, Келли. Ты хочешь.

С таким выражением лица Поттера Уильям про себя согласился с Поттером. Он не хотел проводить ни минуты в одной комнате с этим человеком, который хотел, чтобы его орехи были на блюдечке с голубой каемочкой. Откуда он должен был знать, что Гермиона его девушка? В понедельник она сказала ему, что они не встречаются!

Уильям одарил Гарри ухмылкой, достойной Малфоя. — Сейчас я уйду. Но я не верю, что ты ее парень, Поттер. Она сказала мне, что вы были просто друзьями.

Гарри коротко рассмеялся. «Я знаю. Мы это спланировали. А теперь убирайся, пока я силой не оторвал твои яйца и не положил их на блюдечке с голубой каемочкой за то, что пялился на грудь моей девушки».

Уильям фыркнул. — Конечно, Поттер. Когда Гермиона скажет мне это в лицо, я поверю. С этими словами он повернулся и вышел из больничного крыла. Он искренне надеялся, что Гарри и Гермиона не пара. Бог! Если бы это было правдой, он только что совершил самую большую ошибку в своей молодой жизни.

<http://tl.rulate.ru/book/79341/2397815>